

Этос науки

Вторая лекция в курсе «Методология социологического исследования», прочитанного в 2002–2003 учебном году в Шанинке¹

Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003) — доктор философских наук, профессор, Главный научный сотрудник Института социологии РАН, основатель и первый декан факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки).

Аннотация: Текст лекции, посвященной научному этосу, прочитанной в 2002–2003 уч. году в рамках курса «Методология социологического исследования» совместной магистерской программы по социологии Манчестерского университета и Московской высшей школы социальных и экономических наук. Лекция записана на диктофон и расшифрована. Устная речь приведена к письменной посредством незначительной правки, сохранена авторская манера речи. Научный этос представлен через классическую схему, предложенную Мертоном, дополнен аллюзиями и прямыми отсылками к древнегреческой философии и философии Нового времени, в частности к работам Френсиса Бэкона.

Ключевые слова: Аристотель, идеализм, научный этос, номинализм, рационализм Нового времени, пайдейя, Платон, Шанин

Для цитирования: Батыгин, Г.С. Этос науки. Вторая лекция в курсе «Методология социологического исследования», прочитанного в 2002–2003 уч. году в Шанинке / Под ред. и примеч. Д.М. Рогозина // Пути России. 2024. Том 2. № 2. С. 80–109.

¹ Лекция записана на диктофон Д.Ю. Куракиным, слушателем факультета социологии 2002–2003 уч. года, подготовлена к публикации О.Б. Солодовниковой, под редакцией Д.М. Рогозина. В тексте оставлены риторические повторы, аллюзии, иронические фигуры, ритм и структура устной речи Батыгина, что позволяет хотя бы частично восстановить атмосферу учебной аудитории, отразить его манеру изложения сложного материала доступным, подталкивающим к личным размышлениям и критике языком. Заголовки в тексте не выделялись Батыгиным, представлены для придания структуры весьма плотному и содержательному нарративу. Читатель может исключить их из внимания, переопределить структуру самостоятельно. Живая речь профессора, при внимательном чтении, весьма пластична для подобных интервенций и, одновременно, жестко структурирована, неподвластна ложным трактовкам. — *Прим. ред.*

Позвольте, глубокоуважаемые коллеги, рассказать вам об этосе науки.

Наука — это специфическая форма знания. Специфическая форма знания. Она не лучше других, а, кажется, хуже других. Во всяком случае, хуже здравого смысла и хуже эстетического восприятия мира, наверняка бесполезнее такого региона жизненного мира как труд — превращение мира в полезность. ... Она создает свою оптику, эпистемологию, то есть форму производства знания, вероятно — прагматику, возможность использования науки, ученых. Оптику, прагматику, наверное, — этику. Тогда задача методолога и методиста, заключается в том, чтоб описать методологический комплекс, формы производства эпистемологии, этики, оптики, риторики.

Мы с вами говорили также о том, что наука создает специфическую форму опыта. Опыт здесь не должен нас вводить в заблуждение своей кажущейся омонимией, потому что есть опытный человек, просто человек с жизненным опытом. Такой опыт никогда не заменит научный опыт. Давайте, может быть, зафиксируем немножко рискованную вещь: наука создает и специфическую форму опыта, которая кажется мне эквивалентной эксперименту или рационально построенному эксперименту. Далекое не каждый опыт может служить опытом научным. И, кроме того, наука формирует свою собственную реальность, причём предмет или реальность науки создается методом. Мы с вами говорили о том, что это положение, типичное для кантианства или неокантианства, может легко превратиться в релятивизм. То есть весь мир может быть релятивизирован, и тогда, кроме взбесившегося субъекта, солипсиста (или коллективного солипсиста) ничего не останется. А выход из этой ситуации простой — формы производства знания являются столь же объективными, как и то, что дано в опыте. То есть человек здесь ничего изменить не может, даже если он пытается что-то выдумать. Поэтому, опять же, задача методологии заключается в том, чтобы описать эти формы как существующие независимо от наших желаний.

Наука и рационализм Нового времени

Дальше. Мы говорили о генезисе науки. Тут странная вещь: так же, как люди похожи на своих родителей, далеких предков, также и литературные образцы, часто наследуют некоторые странные черты своих предков — не непосредственных родителей, а, как Шкловский открыл: заимствование в литературе может происходить не от «отца»,

а от «дяди» или «тети»². Удивительная вещь. Также и наука — она наследует свои образцы и имеет генеалогию, рождение.

Кажется, что наука является порождением научной эпистемы Нового времени («Нового времени» — с прописной буквы, конечно, потому что речь идет об историческом этапе, это XVII век³. А не исключено, что и сегодня мы живем в Новом времени, да, скорее всего, так и есть), которую создало Новое время. Удивительные формы регулярности: парки были созданы как организованный лес с проложенными аллеями; орды и армии... Собственно, орды превратились в армии, в боевые порядки, отличие которых от орд заключается в том, что в армии единичка или личность никакого значения не имеет — всё поддается рационально рассчитанному проекту. Наверное, сформировалось регулярное образование — школа (школа — это производство людей с заранее заданными свойствами), хозяйство рациональное, тут мы можем говорить о капитализме как соответствующем типе хозяйствования. Что еще? Я пытался вслед за Зигмундом Бауманом перечислять вот эти «рационализированные регионы»⁴.

² Детально разбирая сюжеты сказок, Шкловский обнаружил необъяснимые, странные с точки зрения прямой передачи знания совпадения сюжетов, например, в сказках североамериканских индейцев и европейских сказках, занзибарской сказки и сказки Гримма [Шкловский, 1929, с. 26]. Подобные идентичные сюжеты нельзя объяснить прямым пересказом сюжетов, передачи информации от одних народов другим. Шкловский пишет о заимствованиях иного рода, определяющих не личный опыт человека или сообщества, а структуру литературной традиции. Речь идёт о некотором социальном объекте, подчиненном своим правилам и нормам, своей рациональности. Батыгин часто обращался к литературоведческой, филологической, подчас фонетической интерпретации социальных явлений. В этом он видел не только изоморфизм социального знания, искусственное, подчас надуманное разделение его на социальные дисциплины, но и мощнейшее методологическое средство для выражения сути явлений, заключенное в метафорическом переносе основных концептов из одной области знания в другую. — *Прим. ред.*

³ Знаковым автором для представления «Нового времени» для Батыгина был Фрэнсис Бэкон (1561–1926). Подробно останавливаясь на его представлениях об особенностях научного познания, до сих пор лежащих в основании научного дискурса, Батыгин не раз отмечал, что автором такого подхода нужно считать скорее Роджера Бэкона (1214–1292), а основные положения Фрэнсиса рассматривать как заимствование представленной его предшественником структуры научного знания. Это не имеет отношение к прямому контакту с текстами, ученичеству, растянутому на столетия, а лишь указывает на тождество общей логики научного исследования, остающейся неизменной столетиями и объективно присутствующей в мире. — *Прим. ред.*

⁴ Основное проявление (регион) рационализации мира Зигмунд Бауман видел в образовании эпохи модерна, когда огромные усилия затрачивались на то, чтобы представить возможным разумный контроль человека над собой и окружающим миром как един-

Ландшафт — это известно. Кроме того, сформировалось рациональное письмо: появилась такая единица, как произведение со своими реквизитами — заглавием, вспомогательным аппаратом. Разделились жанры. Отныне научный текст, научный трактат уже нельзя было писать стихами, как это делал Галилей. Это удивительно, но не получается уже почему-то в этом жанре. Роман отделился от новеллы, разделилась проповедь как высокая речь от поэзии как возвышенной речи. Что еще? Ну да, и все в мире стало разделено и тем самым организовано рациональным способом.

И этос науки, принципы которого легко перечислить — их всего четыре⁵, мы их перечислим сегодня — наследует идее рационального проекта, созданной в новоевропейской мысли. Да, тут же (извините, я на полшага вернусь назад) появилась идея рационального устройства человеческого материала. Так же, как парк является трансформацией, рациональной трансформацией леса, также и общество уже не может быть оставлено в покое, потому что если общество растет как... лес — это же тоже общество. Социология биофитоценозов или, как называлось раньше, в начале века, «растительная социология», лес — это сообщество деревьев, где есть вертикальная, горизонтальная мобильности, там есть классовая борьба между кустарником и соснами, например, это так описано занятно... И эта метафора рационально организованного проекта перенеслась на общество, где общество нужно было создать разумно. Потому что лес растет неразумно, и люди живут неразумно, а надо заставить их жить разумно — вот очень простая мысль.

Отсюда появляется идея Утопии (*утопос* — место, которого нет), и создается рациональное описание справедливого общества. Одно из этих описаний вы можете заметить у Фрэнсиса Бэкона (сейчас почему-то это не упоминается). Я не знаю, кстати, почему, но жанр утопии часто оперировал наукой дальних странствий, в стилистике «это общество нужно создать на островах». Почему на островах?.. Ну, было бы наивно привязать это все к опыту капитана Кука.

ственно правильный способ существования [Бауман, 2005, с. 112]. Не сосуществование в мире, а его трансформация и приспособление под себя выступает основным мотивом рационализации Нового времени. — *Прим. ред.*

⁵ Речь идёт о четырех принципах научного этоса, предложенных Робертом Мертоном: коммунизм, универсализм, незаинтересованность и организованный скептицизм [Merton, 1973, p. 268–269], ниже об этом будет рассказано подробнее. Несмотря на многочисленную, не стихающую десятилетиями критику мертоновского подхода к этосу научного знания, предложенные им принципы остаются фундаментом для всех последующих теоретических построений. Подробнее рецепцию мертоновских принципов научного этоса см. в статье Н. В. Дёминой [Демина, 2005], подготовленной под руководством Геннадия Семеновича и вышедшей в свет уже после его смерти — *Прим. ред.*

И вообще призыв британских капитанов превращать всю ойкумену в рационально устроенный парк, наверное, близок к этому [утопизму], но не все объясняет. Остров должен быть, наверное, отграничен от всей остальной мирской людской грязи, чтобы создать чистое общество, очищенный проект, разумный. Что-то есть в этом глубоко религиозное, может быть, связанное с ересями, а, может быть, и нет. Я уже, видимо, самого себя окончательно запутал, поэтому вернусь назад. У Фрэнсиса Бэкона этот остров назывался Бенсалем⁶. Легко этимологию уловить: в Соединенных Штатах есть примерно около 70 городков, которые называются Сэлем. Сэлем по-еврейски «шалом», благость, «мир вам», что ли. Я, когда прихожу на лекцию, мог бы сказать вам «шалом!», но боюсь, что... да, для меня это не обязательно. Бенсалем, Bensalem — вот это общество всеобщего блага, во главе которого стоит Ученый совет. Удивительная вещь. Хотя очень трудно совместить идею плебисцитарной демократии (ну, выборность всеобщую) с Ученым советом как представительством наиболее мудрых людей — просто их не выберут, и правильно сделают. Уже в XIX веке, когда в местный немецкий ландтаг избрали в парламент где-то около 70 процентов профессоров, кто-то написал злую эпиграмму: «О, моя родина, ты погибла» («O, mein Vaterland, du bist verloren»)⁷. Здесь и еще есть... еще есть одна вещь, которая не совсем мне понятна, да она и постоянно дебатруется и достаточно запутана — это взаимопроникновение науки и власти. То есть наука и власть где-то идут рядом. Франкфуртская школа и леворадикальная

⁶ В утопической повести Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида» учёный орден «Дом Соломона» управляет островом Бенсалем, расположенном в Тихом океане [Бэкон, 1962]. Делается это по всем правилам рационального научного знания, во главе угла которого стоит объективность и беспристрастность, подавление эмоций и страстей и мудрый монарх, своим присутствием отрицающий осмысленность каких-либо демократических преобразований. Одновременно с неограниченной монаршей властью на острове процветает и развивается «Дом Соломона», своеобразный научный институт, действующий независимым от власти образом, развивающим объективное знание и, фактически, управляющий островом. — *Прим. ред.*

⁷ Высказывание приписывается Герману Гейне, увидевшему катастрофу в популистском, самонадеянном собрании профессоров, волею судеб, попавших в высший законодательный орган Германии, так называемое Франкфуртское национальное собрание. Первый общегерманский парламент проработал чуть больше одного года: с 18 мая 1848 по 31 мая 1849. В ходе страстных и жарких дебатов была разработана и принята Конституция, декларирующая демократические нормы социальной жизни. Однако в результате все усилия профессорско-депутатского состава оказались тщетными, поскольку опирались скорее на вымышленный, утопический мир лучшего общества, нежели отражали реалии германского. — *Прим. ред.*

традиция построила на этом целую философию⁸. Что наука — худшая форма репрессий: раньше буржуазия просто отнимала у пролетариата средства производства и выкачивала из него прибавочную стоимость, а сейчас до того изощренными стали, что эксплуатируют его интеллектуально и духовно, то есть отнимают у него знание, формы знания. Худший вид эксплуатации — это навязывание ему вот этих вот научных моделей мира и картин мира. Если вы посмотрите в русском переводе книжку Пола, или Пауля, Фейерабенда (она у нас есть)⁹, то вы увидите эту идею развернутой до конца: худший вид репрессий — это наука, которая должна быть уничтожена. При том, что он еще и физик, и очень хороший методолог, и велико-

⁸ Франкфуртская школа — одно из ярчайших социально-философских явлений немецкой мысли начала XX века. Критическая теория общества опиралась на многостороннюю и фундированную критику научной рациональности, на которой сосуществовали и продолжают сосуществовать все авторитарные режимы. Наука, трансформирующаяся во всеобщее массовое образование, технологический аппарат физического и ментального насилия, с точки зрения Хоркхаймера и Адорно, выступает основанием, легитимирующим принципом для самых непристойных и античеловечных действий власти [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. Такая наука должна быть изобличена, ограничена и поставлена под контроль, а подавляемое ею население освобождено от угнетения и объективации правящих классов. — *Прим. ред.*

⁹ Батыгин упоминает избранные труды Фейерабенда, отобранные И.С. Нарским и А.Л. Никифоровым, изданные на русском языке в 1986 году, в частности фрагменты из наиболее популярной монографии «Против метода», которые составили в указанном переводе главу «Против методологического принуждения» [Фейерабэнд, 1986, с. 125–247]. Полный перевод упоминаемой Батыгиным монографии вышел лишь в 2007 году [Фейерабэнд, 2007], спустя четыре года после смерти Батыгина. Александр Николаевич Никифоров, неизменный переводчик всего корпуса пост-позитивистских работ, признанный знаток наследия Поппера, Куна, Лакатоса и Фейерабенда, на семинаре в Секторе социологии знания ИС РАН (сектор Батыгина) в начале нулевых с грустью констатировал закат масштабной методологической программы, который был увлечен в юности и посвятил всю свою профессиональную жизнь. Пол Фейерабэнд, причисляемый к разрушителям этой программы недалёкими, поверхностно начитанными научными сотрудниками, на деле был последним оплотом позитивистской исследовательской программы. Его беспощадная критика начетнического и ритуального воспроизводства давно разрушенных методологических конструкций была направлена на поддержку научного знания, очищение последнего от властных, не имеющих отношения к науке амбиций. Батыгин внимательно относился к наследию Фейерабенда и его упоминание об уничтожении науки последним следует воспринимать как ироничную фигуру, отражающую мертоновский принцип организованного скептицизма, не имеющий ничего общего с волюнтаристскими постмодернистскими трактовками вседозволенности в производстве социального знания — *Прим. ред.*

лепный, конечно, великолепно логик. Но эта идея как бы носится в воздухе, да не носится в воздухе — она и образует сам воздух Нового времени. Вот и все.

Разрушение фантазмов. Номинализм и реализм

Да, и еще одна особенность (это все в резюме) генезиса науки. Давайте ее назовем так: разрушение фантазмов. Это слово заслуживает того, чтобы его написать. Тоже лорд Бэкон. У Бэкона есть такое понятие, оно очень популярно, хотя для него никакого значения не имело — идолы. *Idolum*¹⁰. Это то, что препятствует пониманию реальности, то, что замутняет чистое зеркало рассудка, это всякого рода заблуждения, фантазмы. Давайте напишем, если можно, так: главный из этих фантазмов — имена. Люди верят в написанное и в сказанное, и принимают слово за реальность, а вещь и слово — разные вещи. Извините, тут не сказало. Как сказать? Вещь и слово — разные вещи. Можно так? (Голос: «Две большие разницы») Да, две большие разницы. То есть слова могут

¹⁰Учение об идолах изложено в «Новом Органоне» [Бэкон, 1972], однако Бэкон не раз возвращался к их истолкованию в других произведениях. Идолами он называл заблуждения, присущие опытному или индуктивному способу познания: «Они [идолы] обманывают не в частных вопросах, как остальные заблуждения, затемняющие разум и расставляющие ему ловушки; их обман является результатом неправильного и искаженного предрасположения ума, которое заражает и извращает все восприятия интеллекта. Ведь человеческий ум, затемнённый и как бы заслоненный телом, слишком мало похож на гладкое, ровное, чистое зеркало, неискаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он скорее подобен какому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых ведений. Идолы воздействуют на интеллект или в силу самих особенностей общей природы человеческого рода, или в силу индивидуальной природы каждого человека, или как результат слов, т.е. в силу особенностей самой природы общения. Первый вид мы обычно называем идолами рода, второй — идолами пещеры и третий — идолами площади. Существует еще и четвертая группа идолов, которые мы называем идолами театра, являющимися результатом неверных теорий или философских учений и ложных законов доказательства [Бэкон, 1971, с. 322]. Любопытно, что метафора зеркала прижилась в отношении опросов общественного мнения, хотя к ним в равной мере можно приложить бэконовское описание «колдовского зеркала», вносящего гораздо больше искажений, нежели отражающее общественные мнения и настроения. Идолы рода, пещеры, площади и театра лишь умножаются в коллективном сознании, которое пытается защитить себя от внешней критики, выдавая ложные представления за точные знания. Обнаружение заблуждений есть основная задача научного сотрудника, его научный этос по Батыгину. — Прим. ред.

не означать реальности, то есть слова — это фантазмы и фикции. Отсюда эти люди в напудренных париках с буклями: Ньютон и Кавендиш, и Бокль за ними, — они в результате коротких дебатов написали на гербе этого общества: «Nullius in verba». Как это перевести? (Голос: «Ничего в словах») Ну, «ничего в словах» — это не по-русски. В переводе ведь главное — русский язык, а не ... Я бы перевел так: «Слова это... это ничто».

И на этом стоит наука, конечно — наука никогда не верит в слово, но верит только во что? В опыт. А что такое опыт? А опыт — это мир идолов. Идолов там четыре, давайте их перечислим рядом с этим: это идола театра, *idoli theatricum*, это идола внешних изображений, то есть то, что явлено, — не то, что на самом деле. Можно ли о человеке судить по его словам? Нет, конечно. Они же все наследовали идеи античной философии, они прекрасно знали конфликт между сократовцами, сократической школой, и софистами. Софист — весь красивый, в пурпурном хитоне с кистями. Вокруг него девушки, прекрасные девушки в белых туниках, с опашалами. И он на трибуне вещает народу о том, как надо жить. Причем, сам стиль вещания — риторический — рассчитан на убеждение. Вот теперь возникает вопрос. Сократ тут же стоял, неподалеку, за углом, в грязном хитоне, стараясь, чтобы его жена Ксантиппа не увидела. И он думал так (это я выдумываю, конечно): «Вот они рассчитаны на убеждение, потому что логические аргументы в толпе действуют. Или нет? А что там действует? Суггестия, конечно». Сократ уже это слово знал примерно. Суггестия, и апломб, и идола театра, то есть театрализация жизни. Наука XVII века очень сильно старалась избавиться от идолов театра. Ну, привело это, естественно, к тому, что были созданы новые театры, уже научные, но это и правильно. Ну, давайте еще... значит, идола театра, идола рынка, что там еще? Аффекты забыл. А? (Голос: «Идола пещеры») Не слышу. (Голос: «Идола пещеры») Правильно, большое вам спасибо, помогли мне, а я забыл совершенно — и идола пещеры. Идола пещеры — это идола, которые проистекают из ошибок в органах чувств. Я не буду рисовать этот знаменитый стакан, который потряс новоевропейское сознание. Если налить в стакан воды и опустить в него карандаш, то все наблюдатели — когерентно, с контрольной группой, с экспериментальной, с тремя экспериментальными группами — будут видеть, что карандаш изломан. Но, вытащив карандаш, они увидят, что он не изломан. Таких вещей очень много происходит, потому что формы опыта на самом деле извращают знание.

Что такое «идола пещеры»? В Десятой книге (в Десятой, конечно, я не ошибаюсь), в Десятой книге «Республики», то есть платоновского диалога, который еще переводится, да, переводится как «Государство», там говорится так, что люди в своих органах, воспринимая мир, находятся как бы в пещере, прикованные, и смотрят на стену

перед собой, а свет истины, свет этой идеи дает тени на этой стене¹¹. То есть сами идеи проходят там, где-то сверху (он говорит: «там, по верхней дороге»; по-моему, бред какой-то, но это мифологические вещи), и тени от вещей, самих по себе, проходящих по верхней дороге — они уже наблюдаются чувствами. Красное, желтое, зеленое, сильное, слабое, умный человек, говорят, добрый, хороший... А что это такое? Это же неизвестно. Так вот последний этот идол, идол пещеры, как раз и подлежит деконструкции со стороны ясного, отчетливого научного знания. Отсюда вывод такой, что наука дает ясные и отчетливые истины.

Различие между французским, континентальным рационализмом и британским сенсуализмом заключается в том, что для Декарта, рационалиста, истины возможны только как истины разума, а британские сенсуалисты, зная это прекрасно, пытались вытащить истину из чувства. Это связано, может быть, с религиозными различиями, поэтому давайте здесь напишем еще один подпункт в этом резюме — это различие номинализма и реализма. Реалист отличается от номиналиста тем, что понятие (напишу — «понятие»), понятие... реально, реальное. А здесь это не что иное, как... Как бы сказать? Да, лучше на латыни — *nomina*. Номинализм. Дискуссия между Платоном и Антисфеном Киником с этим и связана. Антисфен пришел на занятия в Академию и спрашивает, лошади существуют? «Вот, — говорит, — вот, лошадь пасется, она рыжая, довольно молодая, норовистая, и она радикальным образом отличается от другой лошади, на которой

¹¹ О символе пещеры речь идет в седьмой книге платоновского «Государства», именно там обосновывается невозможность видеть истинное знание теми, кто всю жизнь видел лишь тени: «А сели заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболит у него глаза, и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показываю?» [Платон, 2007, с. 351]. Но и в десятой части можно найти развитие темы идолов ложного восприятия. В ней обосновывается недостоверность и вредность любого отражения, в частности полученного посредством подражания на театральных подмостках, в поэзии или любом другом виде искусства. Подлинность по Платону не нуждается ни в каких посредниках, которые по своей природе могут лишь вводить в заблуждение и искажать реальность. Поэтому любой рассказчик или поэт может творить лишь признаки, отдаляющие зрителя от реальности: «...все поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетели и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются. Это как в только что приведенном нами примере: живописец нарисует сапожника, который покажется настоящим сапожником, а между тем этот живописец ничего не смыслит в сапожном деле; да и зрители его картины тоже — они судят лишь по краскам и очертаниям» [Платон, 2007, с. 465]. Возможно, из-за близости повествования о копии (тени) и подлиннике (истинных фигурах на возвышении) и произошла путаница в ссылке на книги. — *Прим. ред.*

возят воду. А почему их объединяют в одно понятие? Лошади-то разные». Платон говорит: «Ведь дело не в лошади, а в лошадности самой. Именно лошадность и существует, а живые лошади — это ничто. Так же как глина не имеет никакого отношения к идее кувшина — в глине же не положена идея кувшина — демиург создает из нее идею. Так и здесь. Поэтому, — говорит, — у тебя, Антисфен, есть, наверное, то, чем воспринимается лошадь, а вот чем воспринимается лошадность, у тебя нет». Антисфен обиделся, ушел, потом, правда, отыгравшись на Платоне с этим знаменитым петухом, который соответствовал определению человека.

А здесь, у номиналистов, понятия — лишь номины, это лишь имена. Отсюда еще одно примечание такое маленькое. Что такое *потіиа*? Это Монтекки и Капулетти. Джульетта — настоящий номиналист, последовательный. Ей там сколько — 14 лет, но она уже номиналистическую традицию усвоила: «Не ты, а имя»¹². Там есть очаровательная такая... то, что называется в стилистике, в риторике — паранимическая аттракция: *Вит уои... but те... ту еиету*. Это ни к чему вообще-то, но на всякий случай. Меня это всегда очень сильно как-то занимает. *Наме*, идет паранимическая аттракция к *еиету*. У Шекспира большая часть строк замкнуты в паранимические аттракции, если вы посмотрите. «Не ты, а имя лишь твое — мой враг» переводится, но этот перевод теряет паранимическую аттракцию. «Не ты, а имя лишь твое — мой враг, — говорит она. — Ты сам собой, ты вовсе не Монтекки». Вот это и есть наука, вещи сами по себе. А что значит «сам собой»? Значит, нужно понять свойства вещи, исходя из самой вещи, избавившись от реалистичности этих понятий, от глупости этих понятий. Нет, извините, это неправильно, глупость тут ни при чем — не нам судить. Рука, нога, лицо, что-нибудь еще, что человеку принадлежит... «Роза, — говорит [Джульетта], — а роза, что,

¹² В переводе А. Радловой реплика Джульетты:

*«Не ты, а имя лишь твоё — мне враг.
Ты сам собой, ты вовсе не Монтекки.
Монтекки ли — рука, нога, лицо
Иль что-нибудь ещё, что человеку
Принадлежит? Возьми другое имя.
Что имя? Роза бы иначе пахла,
Когда б её иначе называли?
Ромео, если б не Ромео стал,
Своё всё совершенство сохранил бы
И безыменный. Сбрось, Ромео, имя,
Отдай то, что не часть тебя, — возьми
Меня ты всю»*

(В. Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт второй, сцена вторая). — Прим. ред.

иначе пахла, когда вы ее иначе называли?» Эксперимент *ex post facto* идет. А перед этим создает еще чисто алхимические вещи такие, чисто словесные. Это и есть алхимия. Алхимия — это работа не с понятиями, а с вещами: серу, ненависть смешать, почувствовать превращение материалов, в реторте перекипятить всё, получить осадок, и осадок смешать опять же с медью и с ненавистью. Вот эта мистика кажущаяся... да нет, мистика на самом деле, она и пронизывала в общем творчество Ньютона, основателя экспериментального метода, механической картины мира, дифференциального и интегрального исчисления, как это ни удивительно.

Иудейский Учитель и римское право

И еще одно, пожалуй, примечание, вот к этому. У Рембрандта, кажется, есть картина (на всякий случай запишите) — я плохо разбираюсь в этом, но Карен Араевич Свасьян, который меня наставляет на истинный путь всегда по истории философии¹³, он говорит, что вот идеал европейской, новоевропейской, науки показан в этой картине — «Урок анатомии доктора Тюльпа». Как всегда у Рембрандта, из мрака выходит такое светлое пятно, лежит труп в подвале где-то, над ним склонились тени ученых. Кто-то в парике, а кто-то в халате. Один... двое из них, по-моему, роятся в трупе, препарируют, а другие очень внимательно (видимо, с блокнотами или еще с чем-то) стараются наблюдать. Это все в тайне, конечно, потому что подобным образом расколдовать мир нельзя — не одобрялось, общество не одобряло. Это можно делать только в замкнутом пространстве подвала. Отсюда ка-

¹³ С Кареном Араевичем, советским и армянским философом, Батыгина связывала многолетняя дружба. Одного поколения, близкого круга чтения, схожих философских интуиций, они по долгу обсуждали, казалось бы, далекие от экономических и социальных перипетий 1990-х вопросы. О человеческом предназначении, возможностях познания, духовной природе человека, совпадении профессиональной судьбы с личной, о поисках смысла. Геворг Арамович Погосян, их общий друг, вспоминает случай, когда в 1997-м году они с Кареном Араевичем так долго засиделись дома у Геннадия Семеновича, что опоздали на рейс Карена в Швейцарию, куда он летел преподавать в Базельский университет. Они вернулись назад и продолжили беседу до другого утреннего рейса [Погосян, Рогозин, 2023, с. 104–105]. Лекцию об этике можно трактовать как одну из бесед с друзьями, на кухне, когда переплетаются судьбы и столетия. Различные философские учения выстраиваются в одну линию, подчиняются одному исследовательскому вопросу, оставляя при этом свободу для интерпретации и мысли собеседнику, студенту, или преподавателю, или другу. — *Прим. ред.*

жется, что наука уже в то время очень хорошо дистанцировала себя от общества, хотя и наследовала религиозную традицию, схоластическую, во всяком случае. Здесь нужно что сказать? Наука поставила себя вне нормальных людей, вне общества, если угодно. И Фуко здесь, наверное, прав, что это все граничит с насилием, а, может быть, и с преступлением, с каким-то метафизическим преступлением. И вот когда... если увидите в нашей библиотеке книжку Фуко¹⁴, на обложке которой наши дизайнеры уже в прошлогодней версии изобразили голову с содранной кожей, всю в крови — вот, то это не так далеко ушло от идеи науки. Что-то антигуманное здесь есть. Но это антигуманное — вовсе не для осуждения, а даже, может быть, и наоборот.

Так, и следующей подпункт в этом резюме. Еще одно существенное дополнение к генезису науки. Я его выпустил из поля зрения, а за эту неделю все-таки задумался. Генезис науки связан еще с тремя источниками. Первый источник — это священно книжие иудейское, как это ни странно. Здесь иудео-христианское священно книжие. Что такое священно книжие? Это конституирование некоторого текста как сакрального. Вы, наверное, слышали, что у иудеев религия основана на знании: там нет понятия «верить в Бога». В христианстве, особенно в современном, там есть понятие личного религиозного опыта как переживания. Иудейская традиция не знает этого, там «верить» — это «знать». Знать и соблюдать. Например, никогда не спросят: «Ты веришь в Бога?» — у еврея. Что значит «верю»? Бессмысленный вопрос: сегодня я верю, завтра не верю, мои психические, ментальные состояния могут зависеть от чего угодно, бывают и разочарования. А верить — это значит соблюдать субботу. Спрашивают: «Ты соблюдаешь субботу или нет?» Не соблюдаешь — значит, не иудей, соблюдаешь — иудей. И всё. Да, кстати, слово «любить» в чисто эротическом смысле, там тоже этот элемент не значим, там нет такого слова определенного. Так вот идея заключается в том, что все состояния мира записаны в Книге. То есть единственное, что нужно знать, — это знать текст Книги или священно книжия. Было бы наивно сказать, что это всё — архаичные формы знания, что это только дикие люди при Соломоне, при Царе Горохе, верили в эти рассказы. На самом деле, те верования, которые бытуют сегодня, в XXI веке, насколько не лучше и не хуже тех. Значит, это священная книга. Да, а можно даже спросить (хотя я уверен, что вы знаете это): в христианской традиции священные книги есть? У вас, христиан? Да, несомненно, у вас, христиан, есть священные книги: это 37 книг Ветхого завета

¹⁴ Первое издание русского перевода «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы», выпущенного Владимиром Наумовым и опубликованного издательством Ad Marginem в 1995 году [Фуко, 1995]. Перевод не единожды переиздавался, но от столь вызывающей обложки издательство отказалось. — *Прим. ред.*

и 24 книги Нового завета. Из них основные — четыре Евангелия, из них три — синоптические. И что это значит? Это значит, что переписать эти книги, изменить их, нельзя. В них можно только вникнуть. Аналогичная штука происходит и в науке, конечно, потому что в науке тоже создаются священные книги. Они называются, правда, по-другому — классика. Классика — это тот корпус текстов, где нет ошибок. Правда это или нет, трудно сказать. Значит, первый пункт — это священнокнижие. Евгений Борисович Рашковский... если вам будет это интересно, у него есть великолепная экзотичная книга (такая, паранормальная, конечно, как и все гениальное — это не вполне нормально), она называется «Наука и ученые в странах Востока и ...». Издано в Москве, в издательстве «Наука», по-моему, в 1982 году. Он там рассматривает это священнокнижие¹⁵. Там же, в этом священнокнижии, рядом есть еще идея Учителя. Учитель — это не просто преподаватель. В английском языке нет слова «учитель», кстати. А вот в русском и еврейском — есть. Учитель (нужно писать с прописной буквы) — это человек, который обладает правом толкования священной книги, то есть идея священноначалия появляется. Священноначалие — это выделение специфического сегмента акторов (живых людей, например, либо умерших), которые обладали аутентичным знанием смысла. И третий компонент тогда — что передача знаний или форма

¹⁵ У Е. Б. Рашковского не было книги с заглавием «Наука и ученые в странах Востока», не было книги и 1982 года издания. В 1979 году в издательстве Наука вышла в свет монография «Востоковедческая проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби [Рашковский, 1979], а в 1980 году — «Науковедение и Восток» [Рашковский, 1980]. Обе книги, так или иначе, затрагивают вопросы личного знания, постижения мира через самопознание, свойственные восточной традиции, однако наиболее близка к упомянутой теме священнокнижия более поздняя работа Рашковского «Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–XX века [Рашковский, 1990], увидевшая свет в 1990 году. По всей видимости именно об этой книге идет речь в лекции. Согласно автору священнокнижические системы познания соотносились «с попытками глубокого проникновения в природу знания», а сам «процесс познания воспринимался в таких случаях как относительно автономный, имеющий собственную внутреннюю динамику и структуру, собственные навыки самоподдержания и самокоррекции» [Рашковский, 1990, с. 33]. Реализуемое в медитативном опыте священнокнижие опиралось напрямую на античное научно-философское знание (что сближает его с европейской теологизированной традицией) и косвенно на фольклор и стереотипы обыденного сознания. Классическое рациональное знание XVII–XIX вв. игнорировало священнокнижие, однако в XX веке произошёл ренессанс последнего в неклассическом рациональном знании. Такую интерпретацию Рашковского можно составить по его монографии, которую дополняют не только упомянутые выше ранние работы, но и его обращение в последующие годы к православному канону и раннехристианской славянской традиции. — *Прим. ред.*

трансляции, трансмиссии знаний, осуществляется путем личных контактов с Учителем, передача сокровенного знания. Это не обязательно иудейская вещь, то же самое было присуще и Пифагору, который в своей школе культивировал передачу знаний вот так вот — шепотом: в углу кому-то что-то сказали тихо и сделали вид, что они услышали, и пошли дальше. Записать ничего нельзя, потому что как только запишешь, обязательно соврешь¹⁶. Эта вся традиция, наверное, присутствует и сегодня. Да, кроме священноначалия и священнослужителей, и вот этого контакта, общения с Учителем с большой буквы.

В генезисе научного знания выделяется еще и римское право, как мне кажется. Здесь я менее уверен. Римское право создало такой великолепный институт или великолепнейшую машину производства знания как доказательство, судебное доказательство, а также понятие презумпции — из чего мы исходим, и, в частности, кто несет на себе бремя доказательства. Например, на защите диссертации, как вы думаете, кто несет на себе бремя доказательства, что тезис правильный? Защищающийся. А почему не наоборот? Почему не все остальные

¹⁶Устное слово не переводимо в текст. За незаметным, почти механическим переносом звуков в набранные тем или иным шрифтом слова скрывается огромная пропасть непониманий, умолчаний, ложных толкований. О проблеме трансформации смыслов в таком переносе не раз приходилось говорить с Геннадием Семеновичем, именно с этой проблемой связан его отказ от обработки и публикации лекций, читаемых в Шанинке. Строго говоря, Батыгин бы не одобрил и публикацию этой лекции, возможно, выступил резко против, осудил. Но в этом осуждении сокрыто и противоречие, невидимая чужаку двойственность научной коммуникации. С одной стороны, только устное слово, соприсутствие позволяют соотнести свой мир с миром другого, воспринять его речь. С другой — такое соотнесение длится очень короткое время, оно почти мгновение, за которым наступает забвение, уход в другое, текущее, злободневное, актуальное, далеко не всегда необходимое и достаточное для научной мысли. Продолжая традицию личного ученичества, многие преподаватели Шанинки ведут себя странно с точки зрения современного студента: превозносят личное общение и устное слово, хотя везде утверждают о главенстве текста и сами очень много времени проводят в работе над текстами; запрещают записывать свои лекции, хотя утверждают, что наука строится на цитировании и обращении к текстам других; призывают к послушанию, хотя сами порой дерзновенны до неприличия. Противоречия эти поверхностны, при внимательном рассмотрении рассыпаются. Сокровенное знание нуждается в сохранении, и лучший способ этого фиксация устной речи в письменном тексте, с потерей смыслов, образов, авторских интонаций. Последние не возродить. Текст нужен не для фиксации и протоколирования происходящего, а для сохранения личных впечатлений от встречи. Текст — это не протокол, а мета, сигнал для активизации воспоминаний о событиях. И не столь важно был или не был их участником. Соприсутствие достигается не физическим способом. Соприсутствие достигается через принятие другого как Учителя, через следование и одновременное нарушение его наставлений. — *Прим. ред.*

должны доказывать, что это неправильно? (Голос: «Презумпция неверности») Римское право нас учит этому. Кто хочет что-то доказать, тот и будет доказывать: изложит все аргументы, что это так, а другие будут сомневаться. Вот это второй источник.

Греческая «пайдейя», Аристотель и Зенон

А третий источник, он же, наверное, и самый важный, он, наверное, предшествует римскому праву — это греческая... как это назвать?.. У Льва Шестова есть книжка «Афины и Иерусалим»¹⁷ — вот, это перифраз из трактата Тертуллиана... нет, не из трактата Тертуллиана, что я говорю, а известного афоризма Тертуллиана, который вошел в традицию: «Что общего между Афинами и Иерусалимом?» Верую, потому что абсурдно. Разве можно верить рационально? Верить можно только в абсурдное. Афины — это апофеоз мудрствования рассуждения, а Иерусалим — это вера, не основанная ни на каких умствованиях, а вера сама по себе, охватывающая и знания, в том числе. Все науки — приложение к Торе, вот и всё, больше ничего нет. Так между Афинами и Иерусалимом общего ничего нет, наверное, но, тем не менее, они входят в число родителей науки. Тут можно и биологические параллели продолжить, но не слишком рискованные: кто есть кто, непонятно. Так вот, античность и античная Греция создала специфическую форму конституирования знания, которая называется... как это назвать?... умствование что ли?... логос лучше назвать, логику — в таком широком смысле, то есть рассуждение. А еще — слово «пайдейя», вот это знание, соединенное с умением рассуждать, и убеждать, и доказывать. Например, социальные конфликты либо отношения власти могут быть осуществлены с помощью оружия либо кулака. Если кто-то не согласен, что параллельные прямые пересекаются, можно дать ему по лбу, и он согласится. Но это доказательство не legitimately: он может действительно согласиться, но это не имеет отношения к порядкам мира. А вот здесь речь идет о работе словами и понятиями. Пайдейя это... Да, есть книжка «Пайдейя», так и называется, Авербаха, кажется. Нет, или Авербаха это «Мимесис»? Извините, забыл автора¹⁸. Но это не важно. Чтобы его запомнить нужно запомнить другое слово, как всегда, в мнемонических техниках — найти другое слово,

¹⁷ См., например, издание 2017-го года, доступное в книжных магазинах: [Шестов, 2017].

¹⁸ Возможно речь идёт о работе Анатолия Аркадьевича Пинского [Пинский, 1997], или Вернера Йегера [Йегер, 1997], или ещё какого автора изданного или переведенного в конце 1990-х, годах педагогических экспериментов, вдохновивших не одно поколение

привязать к нему. *Cyclos... Encyclos... paedia*. Напоминает что-то? Энциклопедия. Вот, из этого же этимологического корня — *encyclos*, «вокруг всего», это всестороннее знание и умение оперировать аргументами. Вот и все. Отсюда — греческая философия, это Сократ и его постоянное стремление все подвергнуть сомнению. Задавать постоянно вопросы. Эта же «пайдейя» стала основой политического дискурса, то есть основой политики, политика уже основывалась не на силе, а на совместном обсуждении чего-то. По-русски парламент переводится как «толковище». То есть когда собирается много людей, они начинают обсуждать, что делать. Вот тут начинается «пайдейя». А в восточной деспотии, там нет смысла обсуждать, что делать, там есть только команда и право сильного. В этом идея.

(Голос: «А воспитание относится к этому?») Несомненно. Конечно. Воспитание или социализация, воспитание гражданина — конечно, это, прежде всего, обучение его рассуждению в политике. Поэтому когда говорят о коммуникативном действии, вслед за Хабермасом говорят, прежде всего, об умении найти разумные аргументы и использовать силу знания. Вот в рамках «пайдейи» было открыто, что знание имеет странную силу: как только логически что-то доказано, это обладает какой-то силой власти — человек начинает подчиняться логическому убеждению. Но не все, а только воспитанные. Там есть «питание» еще, значит, это знание поступило в его организм в качестве питания, и он уже не может без него. Потому что есть люди, которые могут (ну, наверное, это зависит уже от типов социального действия), они могут воспринимать в качестве аргумента только кулак либо очень явную угрозу. Там работает принцип: дают — бери, бьют — беги. А здесь возникает такая странная вещь (она заслуживает трехминутного обсуждения) — представление знания как представление. Это мы, кстати, с Теодором тогда в прошлом году обсуждали эту вещь в связи с участием в военных действиях, в войне 1947 года... 1948 года¹⁹. Там есть некоторый субъект: «Я хочу и заставляю других делать». Это тоже может быть. А другой субъект, воспитанный в «пайдейе», создает нечто вроде кино — представление, то есть поставление перед собой, перед нами. Например, мы обсуждаем формы социальной мобильности, обсуждаем стабильность семейных отношений,

на поиск старых форм обучения и воспитания, одновременно забытых, изгнанных и практикуемых, воспроизводимых в современных российских школах. — *Прим. ред.*

¹⁹ Теодор Шанин не раз возвращался к войне за независимость Израиля 1947–1949 гг. Непосредственный участник тех событий, штурмовик тех лет, Теодор раз за разом переосмысливал часть своей биографии, в которой насилие выступало основным аргументом, формировало среду товарищества и братства, в какой-то степени формировало новую еврейскую нацию. Подробнее о судьбе Теодора Шанина и, в частности, его воспоминания о тех годах см.: [Архангельский, 2020]. — *Прим. ред.*

динамику власти, когда начинается Термидор — через пять лет после революционного переворота или через десять. Здесь мы оперируем не просто наблюдениями за чем-то, а общезначимыми формами.

И вот, Теодор рассказал мне очень интересную вещь, она и мне тоже знакома отчасти. Она связана с лазарсфельдовской идеей: кто более устойчив к стрессу в условиях непосредственного соприкосновения с противником?²⁰ У Лазарсфельда это было на островах

²⁰Пол Лазарсфельд умел удивлять публику. На конференции Американской социологической ассоциации он выступил с докладом о вызовах и перспективах социальных исследований, упомянув о тривиальностях в изучении американских солдат. Его выступление вошло в парсоновский сборник по американской социологии [Lazarsfeld, 1968] и в дальнейшем не раз цитировалось. С его упоминания начинается свое предисловие к известным «Лекциям по методологии социологических исследований» и Батыгин: «В 1967 году на собрании Американской социологической ассоциации Пауль Лазарсфельд делал доклад по методам измерения и остановился на мнимых тривиальностях, в которых часто упрекают социологическую науку. Известно, что солдаты с более высоким уровнем образования проявляли во время войны больше психоневрологических симптомов, чем их менее образованные товарищи — психическая нестабильность интеллектуала не требует особых доказательств. Южане лучше переносят жаркий климат южных морей, чем северяне — это просто трюизм. Рядовые-белые больше стремятся стать унтер-офицерами, чем рядовые-негры (книга написана в начале 1990-х, когда слово негр было в ходу в русском языке, а черный или афро-американец, считающиеся сейчас корректными, были бы скорее восприняты как оскорбление или насмешка — Прим. мои) — отсутствие у негров честолюбия вошло в поговорку. Во время войны солдаты сильнее стремились вернуться домой, чем после капитуляции Германии, — нельзя винить людей за то, что они не хотят быть убитыми. Самуэль Стауффер (руководитель проект «Американский солдат», в рамках которого и проводилось исследование — Прим. мои) потратил для получения этих выводов много сил и энергии. Не лучше ли принимать из без доказательств и сразу прееходить к более глубокому уровню анализа? На самом деле каждое из этих утверждений прямо противоположно тому, что было обнаружено в действительности. Солдаты с низким уровнем образования более невротичны, чем их образованные товарищи; южане не обнаружили по сравнению с северянами большей адаптации к тропическому климату; негры больше стремились к повышению в должности, чем белые. Действительно, суждения здравого смысла часто оказываются ошибочными, но значит ли это, что социологическая методология ставит социолога над миром повседневности?» [Батыгин, 1995а, с. 3–4]. Для изучения кажущихся тривиальностей социального мира не достаточно лишь обладать критическим настроем и смелостью его высказать, необходимы институциональные условия для этого. Именно построению института социальных исследований как системы отношений, вписанных в общественную жизнь страны, и посвятил свою жизнь Лазарсфельд. В своей президентской речи «Социология эмпирических социальных исследований» в 1962 году, когда он был избран 52-м Президентом Американской социологической ассоциации, Пол Лазарсфельд подобно обсуждает

Фиджи, в подразделениях морской пехоты во время войны, а у Теодора — во время войны с нашими двоюродными братьями. Высокобразованный человек, выпускник Принстона, либо Московского университета, либо Вильнюсского, вильнюсского хедера, он что делает? Как вы думаете, он более устойчив к стрессу и более приспособлен, то есть воспитан как воин? А? (Голос: «Нет») Вот все так думают, что эти выпускники университета — маменькины сынки, хлюпики, и их нельзя ни к чему приспособить, только как... ну даже отрыть полный профиль окопа они не могут. А вот люди из народа — такие крепкие, малообразованные, простые парни — вот они устойчивы. На самом деле, всё наоборот, абсолютно все наоборот. Вот эти вот выпускники Принстона, они образуют четкость, мобилизованность, физическую выносливость, и умение управлять собой, владеть собой. С чем это связано? Я так думаю, может быть, наверное, с «пайдейей». Например, как Теодор рассказывал: взвод, где в основном русские евреи — они очень образованы, в отличие от евреев, ну вот восточноевропейских, ашкенази, либо средиземноморских. Хотя сефарды и богаче, на самом деле, они намного глупее, извините за этот национализм. Ну и там ашкенази намного лучше и умнее... Так вот, этот взвод состоит из русских евреев, они очень образованы, и они не боятся танков. Почему? Потому что, когда идет на них тяжелая, кажущаяся страшной машина, они, усвоив предыдущие инструктажи, знают и представляют, представляют, что танк — это железный ящик, люди внутри которого — не жильцы. Экипаж танка, дай Бог, если он проживет 15 минут, в среднем. На самом деле, нужно как можно быстрее окопаться, не очень глубоко, и попытаться сделать так, чтобы они потеряли из поля зрения этой смотровой щели этого человека, и бояться ему не надо. Но самое глупое, что можно сделать (это говорят старшие офицеры на инструктажах), это выскочить из окопа и побежать от него, подчинившись своему страху. Тогда всё, 100 процентов уже — не жилец. Так вот, те, кто образованные, — выпускники русских, вильнюсских хедеров и Московского университета — они

институциональную неустроенность американской социологии и призывает коллег в первую очередь обратить внимание не на производство нового знания, а на методологическое осмысление и технологическую поддержку социальных исследований [Lazarsfeld, 1962]. Только через систематическое наблюдение за реальностью можно расколдовать тривиальности, составляющие основу социальным убеждениям и представлениям большинства населения. Социолог по Лазарсфельду всегда находится в позиции сомневающегося наблюдателя, но удержать её самостоятельно, без институциональной поддержки невозможно. Пайдейей — это не философское и умозрительное состояние одинокого исследователя, а система эшелонированного воспроизводства социального знания, с жестко определенными ролями и позициями участников такого воспроизводства. — *Прим. ред.*

свое знание держат в представлении, то есть включают режим «пайдейя» и не побегут никогда. А рядом — сефарды малообразованные, они мигом забывают все то, что им говорили до этого, и подчиняются своему страху. У них знания нет никакого, и силы нет. И, естественно, что большая часть из них гибнет. На них понадеяться нельзя — они сильно подвержены стрессу. Умение вынести знание за пределы своего собственного Я, своей воли, и подчиниться ему, самому себе, а также подчинить других — это достижение греческого мудрствования. Оно и воспринято наукой. Потому что как бы нам не хотелось, например, быть... кем?... ну, например, скажем, есть очаровательные, опьяняющие теории какие-нибудь, вот, постмодернистская. Очень хочется быть постмодернистом, но иногда вот этот логос говорит: «Не надо, не суйся туда». — «Да, ну, хорошо, не буду». Я подчинился ему и тем самым танка уже не боюсь. Значит, и общая формула здесь такая, что это знание — «пайдейя» — безлично, как ни странно. Оно не принадлежит никому. Например, теорема Пифагора, как вы думаете, это что? Это ментальное состояние Пифагора что ли? Вовсе нет. Просто Пифагор временно подключился к сети, вошел туда, в этот предвечный сайт, скачал теорему и все, и транслировал другим. То же самое сделал и сэр Исаак Ньютон.

Ну и последнее в этом резюме, затянувшемся немножко. Аристотель. И вроде я всех отцов и матерей науки перечислил. Аристотель тоже принадлежит к этой античной традиции. Здесь мы ему обязаны только одним вообще-то. Я, правда, не знаю, был ли Аристотель ученым. Скорее всего, нет — он был просто Аристотелем. Фигура мифологизированная, неизвестная Европе вплоть до XII века. В Европу трактаты Аристотеля пришли через арабов. Они были вынуждены переводить с арабского языка на латынь. Потом обнаружили, что есть греческие оригиналы Аристотеля; оказалось, что они несопоставимы совершенно. Потом решили в общем создать миф об Аристотеле, и одним из компонентов этого мифа является различение трех видов наук: теоретические, практические и творческие. Что на самом деле думал Аристотель, я не знаю. Я не классический филолог и могу об этом судить только понаслышке. Науки теоретические имеют своей функцией *феорею* или теорию, лишь одно знание. Извините. Теоретические науки — это логика, логос, или объяснение чего-то. «Все люди смертны». Если мы определяем какого-то объекта как человека, например, «Сократ, ты смертен». «Сократ — человек, значит ты, Сократ, смертен». И всё. Вот это логика.

И тут фигуры силлогизма работают везде, независимо от материала: в биологии, в общественных науках, в религии, может быть. Так, теоретические науки есть. Науки практические — это науки, связанные с полезностью и со здравым смыслом. Тут Шютц ни при чем, конечно, хотя и хочется его привнести, но у Аристотеля есть понятие «*phronesis*» — практичность. Как вы думаете, людям науки свойствен-

на практичность? Может быть, и свойственна, но это не имеет отношения к логике. Иногда логические рассуждения оказываются менее практичными, чем алогические. Это те науки, которые Аристотель еще связывал с понятием «технос», техника, оперирование. Там совершенно другое.

И третий тип — творческие науки. Это поэсис или мимесис, подражание чему-то. Можно ли объяснить художнику, как нарисовать картину? (Голос: «Нет») Можно объяснить, но он не нарисует все равно. А он сам себе может объяснить? Может, конечно, но эти объяснения будут мистификацией. Это когда приходят покупатели картины... очень легко понаблюдать это на вернисаже — как художник начинает объяснять, что он имел в виду, что он хотел изобразить. Это обычная ахинея, которая воспроизводится все время в одних и тех же форматах. «Вот я хотел изобразить свое внутреннее чувство» — он говорит, хотя на самом деле никакого внутреннего чувства у него не было. Так нарисовалось. Здесь мы воспроизводим идею в своем внешнем виде. Вот и все.

Да, еще одно примечание, оно, может быть, вам покажется занятным. Вы, наверное, слышали, что была такая элейская школа в античности. Зенон, не Зенон Стоик, а Зенон Элеец. Это тоже, конечно, домысел — ему это приписывается, потому что самих рукописей либо (публикаций не было в то время) «публикаций» Зенона не осталось, они не описаны в каталогах. А вот в доксографах (доксограф — это то, что о них говорят, что они якобы сказали, а, может быть, и нет) получили известность апории Зенона. Одна из этих апорий, которая часто используется, называется «Ахилл и черепаха». Остальные три апории примерно одинаковы. Например, Ахилл, — как я, помню, это пояснял адъюнктам Высшей школы милиции²¹, — дикий, неуправляемый Ахилл, неуправляемый, на грани потери дееспособности Ахилл, вот, он преследует... и объект его преступного посягательства — черепаха.

Что делает хороший следователь? Он изучает сначала логическую возможность этого действия, то есть нет ли алиби, еще что-то. Ну, алиби нет, потому что все видели Ахилла и он сам признается. Но при этом Ахилл никогда не может догнать черепаху, логически.

²¹ В Высшей школе милиции (современное название: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя) Батыгин проработал несколько лет в начале 1990-х. Как он сам упоминал в биографическом интервью, нагрузка была огромной, но работать с офицерами милиции, со следователями, оперативниками, розыскниками, специалистами по боевой и физической подготовке личного состава было интересно [Батыгин, 2003, с. 161–162]. В конце десятих годов я оказался в компании отставного высшего командного состава московской милиции. Генералы в отставке с большой теплотой вспоминали Геннадия Семеновича, рассказывали об его удивительной эрудиции и интеллектуальной отзывчивости на запросы, казалось бы, далекие от философской и социологической тематики. — Прим. ред.

Почему? Потому что догнать черепаху значит переместиться из пункта А в пункт В. Для этого необходимо преодолеть хотя бы часть пути, половину пути хотя бы. И тогда проблема возобновится. Чтоб преодолеть половину пути... Когда-нибудь этот отрезок будет равен нулю? Не будет, потому что здесь введено понятие предела отчасти, $1/n$, а n стремится к бесконечности. Следовательно, никогда это нулю равняться не будет. Это понятие предела, а весь этот раздел математики отсутствовал как таковой. Он сейчас кажется естественным, а апории Зенона кажутся неестественными. Значит, Ахилл не может догнать черепаху чисто логически. Предположим, что он к ней приблизился на миллиметр. Ну, слово «миллиметр» — дурацкое весьма, но ничего. Оно может быть и километром. Но и этот миллиметр он не преодолеет.

А теперь посмотрим все за элейцами, понаблюдаем за семинаром элейцев. Он говорит, значит, один из его аспирантов, Зенона: «Но ведь он и с места сдвинуться не сможет, если исходить из этой логики». Что значит «сдвинуться с места»? Это значит переместиться из точки А в точку В, сколь бы мала она ни была. Он не может ни шевельнуть рукой, ни сдвинуться. Старик Протагор, который там сидел, говорит: «Ну, естественно. Но тогда ничто в мире не может измениться, потому что любое изменение — это изменение состояния А в состояние В». Он говорит: «Совершенно верно. Значит, движения нет». Но ведь мы говорим: «Побежала собака; киники бегают, а за ними собаки по улицам...».

«Это кажется лишь» — он говорит. Почему? Надо отличать два вида знания: одно — по мнению, другое — по истине. По истине движения нет, а мнение таково, что это движется. «Но это лишь видимость, потому что, — Протагор говорит, — на самом деле движение это видимое движение сфайроса». Сфайрос — шар, мир это, значит, сфайрос с бесконечным радиусом. Вот, наблюдатель, находящийся внутри... да, что значит внутри? Бесконечный радиус не дает возможности быть ни внутри, ни снаружи. Сфайрос, который вращается, движется или нет? Он говорит: «Понятие движения здесь совершенно бессмысленно. Он не может ни двигаться, ни не двигаться». Значит, здесь чисто логическая аргументация создает мир, кажущийся искусственным, а на самом деле он настоящий. Пушкин написал об этом... Когда, в Лицее он проходил элейскую школу, он, как и все, как и милиционеры, изумился этому доказательству элементарному, и написал стихотворение:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
 Другой... (это был Антисфен, скорее всего, Киник)
 Другой смолчал и стал пред ним ходить
 (в качестве доказательства)
 Хвалили все ответ замысловатый
 (а он незамысловатый, конечно).

И заключение там:

Но, господа, забавный случай сей
 Другой пример на память мне приводит:
 Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
 А все же прав упрямый Галилей.

Но, кстати, и Галилей-то не столь упрям, как ему казалось. Эта пайдейя и логическое доказательство опять же дистанцируют картину мира от самого наблюдаемого мира. Вот и все.

Принципы научного этоса по Мертону и Парсонсу

Ну и теперь — пункт первый, то есть второй. Пункт второй. Четыре принципа научного этоса. Здесь же, в этом пункте втором, пункт первый. Мы признательны формулировкой этих принципов (не выдумкой, конечно, а формулировкой) Роберту Мертону, который позавчера был жив еще (тут надо все время наблюдать). Его звали, да и сейчас...нет, в 60-е годы его звали «мистер Sociology». Человек очень симпатичный. Речь идет о поддержании образца. Это парсонсовский термин. Нет, лучше написать: о воспроизводстве образца, о воспроизводстве образца науки как автономной сферы знания и соответствующих форм поведения и научных институтов.

Этос (мы давали определение, еще раз его дадим), этос здесь — это система поведенческих норм, поддерживающая научный образец. Как и любое определение, это — масло масляное. Ну ничего. Для чего они нужны? Они позволяют отличить кашу от гайки немножко. Потому что мы здесь что можем сделать? Мы можем деконструировать фантазмы вслед за Джульеттой, нашей учительницей, и сказать, что некоторые формы знания, которые называют себя «Монтекки», вовсе не Монтекки. Они называют себя просто так. Если на клетке буйвола написано «лев», то мы должны это воспринимать как надпись «лев» на клетке буйвола, но не приписывать надпись ему. Значит, здесь речь идет, конечно, об этих типовых переменных.

Давайте на всякий случай парсонсовский термин запишем, потому что эти четыре принципа являются модификацией парсонсовского различения, парсонсовского различения типовых переменных. Но эти переменные не столько типовые... как это перевести, не знаю я точно, но это легко увидеть — *pattern variables*. Я не ошибаюсь? По-моему, нет. Это не типовые переменные, а переменные,

позволяющие различать типы²². У Мертона их четыре, правда, потом, вслед за Мертоном, кто только не дополнял его четыре, даже я. Я тоже выдумывал там свои, остальные. Но они являются лишь эпифеноменами уже готовых. Давайте их напишем.

Они формулируются в виде оппозиций, семантических оппозиций. Это очень занятная вещь. Чем она занята? Она занята тем, что позволяет нам видеть реальность. Вот стоит только ввести хорошее различение, поставить хороший осциллограф либо спектрометр, либо сделать изящный измерительный инструмент, и вдруг мы начинаем видеть реальность, как будто она сама нам открывается. Реальность же, она тоже не глупая, она не безразлична к тому, кто ее изучает. Тема, например, с кем-то не хочет вообще дела иметь, а есть люди, с которыми тема просто так и хочет познакомиться. Реальность тоже соображает, и вот как только мы эти переменные начинаем использовать, она начинает открываться. Значит, давайте их перечислим: партикуляризм/универсализм (сейчас перечислим, а потом будем рассматривать в отдельности) — можно и по-английски написать. Вторая переменная — аффективность/аффективная нейтральность. (Пауза) А, извините, извините, я ошибся. Я просто ошибаюсь, я все спутал, — я сейчас стал перечислять парсонсовские типовые переменные, а мне нужно мертоновские. Пожалуйста, зачеркните аффективность и аффективную нейтральность. Я потом вам скажу, что я здесь не понимаю, а сначала то, что, как мне кажется, понимаю. Значит, партикуляризм/универсализм стоит.

Вторая переменная — это... В русских переводах вы увидите слово «всеобщность», а в оригинале «коммунизм» написано. Давайте «коммунизм» напишем, принцип коммунизма. Да, так и есть — коммунизм, потому что наука — это единственная форма знания, может быть, единственная сфера жизни, единственная сфера *lebenswelt*'а,

²²Лекции Батыгина отличались характерной языковой игрой: совместным конструированием понятий, пере придумывании терминов, видимым речевым ошибкам, повторам, исправлением. Лекции шли в форме диалогов, коротких фраз, видимых всеми оговорок. Так формировался стиль мышления слушателей Шанинки, легитимировались ошибки и способы их преодоления. Например, Батыгин давно использует термин «типовые переменные», введенный Парсонсом (см. его размышления о роли Парсонса в конституировании научного этоса: [Батыгин, 1995b, с. 17], но на лекции раскрывает неоднозначность перевода, подталкивает к сомнению. Мотивированное отступление от канона строгой академической речи позволяло профессору не только мотивировать студентов к самостоятельному поиску решений, но и демонстрировало этот поиск в режиме реального времени, здесь и сейчас. Мы не стали снимать противоречия, оговорки, в надежде, что и читатель услышит сквозь текст голос великого мастера научной импровизации. — Прим. ред.

где действительно достигнуто состояние коммунизма. Коммунизм как движение за обобществление собственности в XIX веке, массовое движение, он был таким странным феноменом, идейной такой мобилизационной химерой. Он и сегодня сохранился как химера. А вот в науке это изначально существовало. Да, значит, принцип коммунизма — это второй принцип.

Третий. Третий, назовем его *disinterestedness*. Если можно, повозимся одну минутку с переводом. Я тут дефис поставлю. *Un-interestedness* и *disinterestedness* чем отличаются? (Голос: «*Un-interestedness* это просто незаинтересованность, а это принципиальная разинтересованность») Как? (Голос: «Разинтересованность») Разинтересованность? Чего-то не любит такого префикса это слово. Русский язык не любит раз-. Разинтересованность это что-то другое, по-моему. Приставка раз — это разрушение, развитие, что то же самое, — развить, свитое развить. А тут как перевести? (Голос: «Отсутствие заинтересованности») Отсутствие заинтересованности? Да, пожалуй, так, отсутствие.

И четвертый принцип: организованный скептицизм. Тут легко — *organized skepticism*. Вот еще позвольте мне вернуться на полшага назад. Зачеркните, пожалуйста, слово «универсализм»... ой, слово «партикуляризм». Это путаница с Парсонсом. На самом деле эти четыре принципа — универсализм, коммунизм, незаинтересованность и организованный скептицизм — представляют собой *differentia specifica*, то есть дифференцирующие характеристики научного этоса. Теперь надо посмотреть в деталях.

Пункт третий — это опять генезис. Слово привязалось, но оно неплохое. Генезис. Откуда они взялись, эти четыре принципа? — вопрос. Ответ: они взялись из типовых переменных Парсонса. Я вам напомню эти типовые переменные Парсонса. Давайте их запишем опять, заново. Универсализм/партикуляризм. А вот тут уже идут семантически противоположные пары, то есть оппозиции. Универсализм, чему это противостоит? Партикуляризм. Универсализм — партикуляризм. Второе: аффективность/нейтральность. Как вы думаете, научное действие или действие в регионе науки должно быть аффективным или нет? Ну а как же, вот когда открытие происходит — руки трясутся, глаза квадратные, яблоко упало на голову, побежал... Это не имеет отношения к науке, абсолютно никакого. Ничего не падает. Значит, нейтральность. А универсализм и партикуляризм это что? Если мои люди, мои аспиранты — они правы, а чужие аспиранты всегда ошибаются — это научная вещь или нет? Ключевский, кажется, когда был назначен из попечителей учебного округа министром, министром народного образования, в первый день своей работы получил прошение от самого себя, когда он еще был попечителем учебного округа. И он прочитал прошение и написал: «Отказать». (Голос: «А он понял, что это от себя?») Конечно. Там написано: «От попечителя

учебного округа, действительного тайного советника Ключевского министру. Прощение». Он отказал. Вот смотрите, если статья какая-нибудь приходит в мой же журнал, где я — редактор, встает ли передо мной проблема партикуляризма или универсализма? Конечно, встает. В науке нет ни своих, ни чужих, никого.

Специфичность/диффузность. *Specificity*, да, она специфичность и есть. Например, как вы думаете, теорема Пифагора действует только в России или также в странах Восточной Европы? Диффузно это знание либо специфично? А тезис о том, что образование является одним из основных лифтов вертикальной мобильности — это для всех стран присуще? Для всех. А в тех странах, которым это не присуще, значит, мы говорим: на самом деле, этого быть не может, значит, это не вполне так, значит, что-то там происходит не то. То есть здесь работает принцип: если факты не соответствуют теории, значит, это не факты.

Четыре. Специфичность/диффузность. Ориентация на Я. Действие индивидуально либо коллективно. Вот когда мы используем личное местоимение множественного числа, когда — единственного? В науке, как вы думаете, какое местоимение используется? (Голоса: «Множественного») Множественного. Почему? (Голос: «Потому что это коллективное действие») Правильно. Гениально совершенно, спасибо. Потому что наука — это не индивидуальное действие, это коллективное. Здесь идет ориентация на коллектив. Здесь мы все — коллективисты, хотим мы этого или не хотим. Даже эгоцентрики, которых среди нас много, тоже коллективисты в том отношении, в котором они являются участниками производства знания.

Что там еще у Парсонса? Напомните мне, если я ошибся. *Ascription*. Как это перевести? (Голос: «Приписывание»). Приписывание. Как вы думаете, способности к научной работе — это *ascription* либо *achievement*? (Голос: «*Achievement*») Гальтон бы с вами не согласился. Ну я могу, например, в аргументации сказать: «Конечно, то, что я говорю сейчас вам, это абсолютно правильно, потому что я — более способный, чем вы». А вы мне должны сказать: «Если вы это говорите, значит, ваше место не здесь, а там на улице, не в аудитории». Не принято так. Это же, кстати, выражается в научной риторике. Например, в таком, очень глубокомысленном виде. Бывают мыслители, обремененные тайной какой-то, которую они носят. Это *ascription* или *achievement* — тайна, которую носит русский мыслитель? *Achievement*... Нет, *ascription*, конечно. В науке есть мужчины и женщины? Нет. Значит, всё *achievement*'ы. И последнее... или предпоследнее. Что еще есть?

Quality и *performance*. Это вообще нельзя разумно объяснить, но иллюстрировать можно. Так, вот у Парсонса, по-моему, в разных источниках по-разному. *Quality* — *performance* это общий принцип прагматизма, который мы детально обсудим. Там есть какая-то каша, поэтому все это — результат моей реконструкции.

Я выписал эти различия, чтобы из них вывести мертоновские. А мертоновские следующие: универсализм, *disinterestedness* (я перепутал порядок, порядок не важен), коммунизм и организованный скептицизм. Не скептицизм, не философское учение, и не состояние сознания (например, «не верю»), а определенный ритуал коллективного действия, где скептицизм становится фактом институциональной коллективной работы. Например, это выражается в тайном голосовании, в экспертизах, в экспертных заключениях. В чем еще? В желании сотрудничать/нежелании сотрудничать. Например, человек вызывает неприятие большое партикуляристски, ну, например, он не той национальности, которая мне нравится, но работаю я в регионе науки, национальность не имеет никакого отношения — будем работать с ним. И сомневаться в его результатах организовано. Потом прокомментируем. Вот и все.

Так, остается полторы минуты, и тогда пункт четвертый. Общее резюме. Мертоновские принципы, четыре, они не являются этическими принципами. В них нет того, что называется «нормативизм», но это мне так хотелось бы, тут на ваше усмотрение. Они отличаются от заповедей, например: «не убий», «не укради», «не пожелай» и так далее. Извините. Дальше можно и не перечислять. Их функция чисто аналитическая. Она позволяет нам различать «факторы» («факторы» в кавычках, конечно, слово «образец» не очень тоже удачное, потому что образец — это лучший образец; образец мыслителя, умного... даже смешно), позволяет внутри текстовых массивов, в формах поведения людей науки различать «чистые» образцы и «нечистые».

Или, как в Торе сказано, отделять овец от козлищ. Иногда проводить более сильное различие, которое имеет и практический смысл. Ребе Христос говорит: «Опасайтесь пророков, приходящих в овечьей одежде, внутри суть волки хищные». «По делам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?». «Дерево доброе приносит плоды хорошие, а худое дерево приносит плоды худые». «Худое дерево срубают и бросают в огонь». Отсюда — идея инквизиции. «Уже и секира при корне дерев лежит». Но эти принципы для нас имеют значение только потому, что они выступают в качестве лакмусовых бумажек, линеечек или системы координат, которые позволяют вычленивать из всего огромного эмпирического массива образцы научного текста. И тут мы можем сказать, каков их удельный вес. Иными словами, эти переменные представляют собой основу для создания гипотез в области социологии науки или социологии знания. То есть именно на них строятся гипотезы.

Например, вот одна из гипотез, мы ее рассмотрим — гипотеза Пфедфера, Ли и Штейера. Вопрос: где больше мобилизуются партикуляристские формы знания — в химии, в политической науке, в социологии, в радиационной биологии либо в математике? Это гипотеза, вообще-то, это интересно. Теперь остается только дело за тем,

чтобы партикуляризм превратить в инструмент, а это довольно легко сделать, потому что мы можем посчитать за три года в журнале по химии, сколько там публикуется «своих», то есть тех, которые работают в этом учреждении, и сколько «чужих». То же самое — по социологическим журналам и тогда гипотеза Пфедфера-Ли-Штейера начинает мощно работать, создавая целую исследовательскую программу только на одном понятии партикуляризма.

Большое вам спасибо. На этом Всё.

Литература

1. *Архангельский, А. Н.* Несогласный Теодор. История жизни Теодора Шанина, рассказанная им самим. М.: Изд-во «Редакция Елены Шубиной», 2020.
2. *Батыгин, Г. С.* Лекции по методологии социологического исследования. М.: Аспект Пресс, 1995а.
3. *Батыгин, Г. С.* Неокорпоративизм и проблемы рационального выбора // Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Выпуск 4: Дух корпорации / Под ред. В. И. Бакштановского, В. А. Чурилова. Тюмень, 1995b. С. 15–20.
4. *Батыгин, Г. С.* «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167.
5. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.
6. *Бэкон, Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. 2-е изд. / Пер. З. Е. Александровой; Ст. и примеч. Ф. А. Коган-Бернштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
7. *Бэкон, Ф.* Новый Органон // Фрэнсис Бэкон. Сочинения в двух томах. Том. 2 / Пер. с англ. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского; Состав., общ. ред и ступ. ст. А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1972. С. 5–222.
8. *Бэкон, Ф.* О достоинстве и приумножении наук. Книга 5 // Фрэнсис Бэкон. Сочинения в двух томах. Том. 1 / Пер. с англ. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского; Состав., общ. ред и ступ. ст. А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1971. С. 291–329.
9. *Дёмина, Н. В.* Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 5–47.
10. *Йегер, В.* Пайдейя. Воспитание античного грека: Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем. Том 2 / Пер. с нем. М. Н. Ботвинника; Примеч. И. А. Макарова. М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 1997.
11. *Пинский, А. А.* Пайдейя. Работы 1986–1996 гг. М.: Частная школа, 1997.
12. *Платон.* Государство // Платон. Сочинение в 4-х томах. Том 3. Часть 1 / Пер. с древнегреч.; Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.–Петербург. ун-та, 2007. С. 97–494.
13. *Погосян, Г. А., Рогозин, Д. М.* «Для многих из нас Геннадий Батыгин явился своего рода проводником в мир высокой профессиональной социологии» / Интервью подготовил Д. М. Рогозин // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 101–109.
14. *Рашковский, Е. Б.* Востокоедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби (опыт критического анализа). М.: Наука, 1976.
15. *Рашковский, Е. Б.* Науковедение и Восток. М.: Наука, 1980.
16. *Рашковский, Е. Б.* Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–

XX века. М.: Наука, 1990.

17. *Фейерабенд, П.* Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; Общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. М.: Прогресс, 1986.
18. *Фейерабенд, П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007.
19. *Фуко, М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова; Под ред. И. Борисовой; Дизайн А. Бондаренко. М.: Ad Marginem, 1995.
20. *Хоркхаймер, М., Адорно, Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Ювента, 1997.
21. *Шестов, Л. И.* Афины и Иерусалим. М.: Изд-во Рипол-Классик, 2017.
22. *Шкловский, В.* О теории прозы. М.: Изд-во «Федерация», 1929.
23. *Lazarsfeld, P.* Measurement // *American sociology: Perspectives, problems, methods* / Ed. By T. Parsons. New York: Basic Books, 1968. P. 93–107.
24. *Lazarsfeld, P.F.* The sociology of empirical social research // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. No. 6. P. 757–767.
25. *Merton, R.K.* The sociology of science: Theoretical and empirical investigations / Ed. and with an intro. by N.W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973.

G. Batygin

Ethos of science

Second lecture in the course “Methodology of Sociological Research”,
given in the 2002-2003 academic year in Shaninka

Gennady Semenovich Batygin (1951–2003) — Doctor of Philosophy, Professor, Senior fellow at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, founder and first dean of the Faculty of Sociology of the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences (Shaninka).

Abstract: Transcript of the lecture on scientific ethos that was given in the 2002–2003 academic year as a part of the course “Methodology of Sociological Research” of the joint master’s program in sociology of the University of Manchester and the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences. The lecture was recorded and transcribed. Minor editing has brought oral speech to the written form. The author’s manner of speech has been preserved.

To present the scientific ethos the classical scheme proposed by Merton was used and complemented by allusions with direct references to ancient Greek philosophy and modern philosophy, in particular to the works of Francis Bacon.

Key words: Aristotle, idealism, scientific ethos, nominalism, modern rationalism, paideia, Plato, Shanin.

References

1. *Arhangel'skij, A.N.* (2020) Nesoglasnyj Teodor. Istoriya zhizni Teodora SHanina, rasskazannaya im samim. M.: Izd-vo «Redakciya Eleny Shubinoj». (In Russ.)
2. *Batygin, G.S.* (1995a) Lekcii po metodologii sociologicheskogo issledovaniya. M.: Aspekt Press. (In Russ.)
3. *Batygin, G.S.* (1995b) Neokorporativizm i problemy racional'nogo vybora // Etika uspekha. Vestnik issledovatelej, konsul'tantov i LPR. Vypusk 4: Duh korporacii / Pod red. V.I. Bakshtanovskogo, V.A. Churilova. Tyumen'. S. 15–20. (In Russ.)
4. *Batygin, G.S.* (2003) «Nikakogo drugogo puti ya dazhe pomyslit' ne mog...» // Sociologicheskij zhurnal. № 2. S. 132–167. (In Russ.)
5. *Bekon, F.* (1962) Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya npravstvennye i politicheskie. 2-e izd. / Per. Z.E. Aleksandrovoj; St. i primech. F.A. Kogan-Bernshtejn. M.: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.)
6. *Bekon, F.* (1972) Novyj Organon // Frensis Bekon. Sochineniya v dvuh tomah. Tom. 2 / Per. s angl. N.A. Fedorova, Ya.M. Borovskogo; Sostav., obshch. red i stup. st. A.L. Subbotina. M.: Mysl'. S. 5–222. (In Russ.)
7. *Bekon, F.* (1971) O dostoinstve i priumnozhenii nauk. Kniga 5 // Frensis Bekon. Sochineniya v dvuh tomah. Tom. 1 / Per. s angl. N.A. Fedorova, Ya.M. Borovskogo; Sostav., obshch. red i stup. st. A.L. Subbotina. M.: Mysl'. S. 291–329. (In Russ.)

8. *Bauman, Z.* (2005) Individualizirovannoe obshchestvo / Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. M.: Logos. (In Russ.)
9. *Dyomina, N. V.* (2005) Konceptiya etosa nauki: Merton i drugie v poiskah social'noj geometrii norm // Sociologicheskij zhurnal. № 4. S. 5–47. (In Russ.)
8. *Fejerabend, P.* (1986) Izbrannye trudy po metodologii nauki / Per. s angl. i nem. A.L. Nikiforova; Obshch. red. i vstup. st. I.S. Narskogo. M.: Progress. (In Russ.)
9. *Fejerabend, P.* (2007) Protiv metoda. Ocherk anarhistskoj teorii poznaniya / Per. s angl. A.L. Nikiforova. M.: AST. (In Russ.)
10. *Fuko, M.* (1995) Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my / Per. s franc. V. Naumova; Pod red. I. Borisovoj; Dizajn A. Bondarenko. M.: Ad Marginem. (In Russ.)
11. *Horkkhajmer, M., Adorno, T.* (1997) Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. SPb.: Yuventa. (In Russ.)
12. *Jeger, V.* (1997) Pajdejya. Vospitanie antichnogo greka: Epoha velikih vospitatelej i vospitatel'nyh sistem. Tom 2 / Per. s nem. M. N. Botvinnika; Primech. I.A. Makarova. M.: GLKYU.A. SHichalina. (In Russ.)
13. *Lazarsfeld, P.* Measurement // American sociology: Perspectives, problems, methods / Ed. By T. Parsons. New York: Basic Books, 1968. P. 93–107.
14. *Lazarsfeld, P.F.* The sociology of empirical social research // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 6. P. 757–767.
15. *Merton, R.K.* The sociology of science: Theoretical and empirical investigations / Ed. and with an intro. by N.W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973.
16. *Pinskij, A.A.* (1997) Pajdejya. Raboty 1986–1996 gg. M.: Chastnaya shkola. (In Russ.)
17. *Platon.* (2007) Gosudarstvo // Platon. Sochinenie v 4-h tomah. Tom 3. Chast' 1 / Per. s drevnegrech.; Pod obshch. red. V.F. Asmusa. SPb.: Izd-vo S.–Peterb. un-ta. S. 97–494. (In Russ.)
18. *Pogosyan, G.A., Rogozin, D.M.* (2023) «Dlya mnogih iz nas Gennadij Batygin yavilsya svoego roda provodnikom v mir vysokoj professional'noj sociologii» / Interv'yu podgotovil D.M. Rogozin // Sociologicheskij zhurnal. Tom 29. № 2. S. 101–109. (In Russ.)
19. *Rashkovskij, E.B.* (1980) Naukovedenie i Vostok. M.: Nauka. (In Russ.)
20. *Rashkovskij, E.B.* (1990) Nauchnoe znanie, instituty nauki i intelligenciya v stranah Vostoka XIX–XX veka. M.: Nauka. (In Russ.)
21. *Rashkovskij, E.B.* (1976) Vostokoednaya problematika v kul'turno-istoricheskoy koncepcii A.Dzh. Tojnbi (opyt kriticheskogo analiza). M.: Nauka. (In Russ.)
22. *Shestov, L.I.* (2017) Afiny i Ierusalim. M.: Izd-vo Ripol-Klassik. (In Russ.)
23. *Shklovskij, V.* (1929) O teorii prozy. M.: Izd-vo «Federaciya». (In Russ.)